

RU

Жанровые особенности описаний А. Ф. Воейковым подмосковных усадеб

Никитина Д. М.

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть цикл «путешествий» Воейкова, установить генезис жанра и определить жанровые особенности описаний подмосковных усадеб. Научная новизна заключается в обращении к малоизученным прозаическим текстам Воейкова в жанре путешествий, в обосновании целесообразности исследования подмосковных «путешествий» в отдельности от южных, в привлечении архивных материалов для изучения этих текстов. В результате определены жанровые особенности описаний подмосковных усадеб, в частности относящиеся к синтезу различных жанровых признаков – воспоминаний, идиллий, элегий, прогулок, посланий. А также выявлены компоненты литературного диалога с арзамасским братством (В. А. Жуковский, А. И. Тургенев и др.).

EN

Genre Features of Descriptions of Estates near Moscow by A. F. Voeikov

Nikitina D. M.

Abstract. The aim of the study is to consider the cycle of Voeikov's "travels", to establish the genesis of the genre and to determine the genre features of descriptions of estates near Moscow. The scientific originality lies in the appeal to the little-studied prose texts of Voeikov in the travel genre, in substantiating the expediency of studying the Moscow region "travels" separately from the southern ones, in attracting archival materials for the study of these texts. As a result, the genre features of the descriptions of estates near Moscow were determined, in particular, those related to the synthesis of various genre features – memories, idylls, elegies, walks, messages. And also the components of the literary dialogue with the "Arzamas" brotherhood (V. A. Zhukovsky, A. I. Turgenyev, etc.) were revealed.

Введение

Наиболее изученными и известными произведениями А. Ф. Воейкова являются его поэтические работы – рукописная сатира «Дом сумасшедших» и перевод дидактической поэмы «Сады» Жака Делиля, тогда как проза литератора остается практически без внимания. Этот факт и определяет актуальность нашего исследования.

Для достижения указанной выше цели исследования необходимо решить следующие задачи: определить биографический и литературный контексты «путешествий» Воейкова; аналитически описать жанры, синтезированные в описаниях усадеб Подмосковья.

Для решения поставленных задач были использованы историко-литературный и биографический методы исследования и метод целостного анализа произведения.

Теоретическую базу исследования составили литературоведческие работы, предметом изучения в которых стали литературные «путешествия» (Акутин, 1978; Лотман, Успенский, 1984; Охременко, 2017; Полякова, 2020; Роболи, 1926; Шачкова, 2008). Для определения места «путешествий» в творчестве Воейкова мы ориентировались на работы Ю. М. Лотмана (1996), Н. Б. Реморовой (1985), А. Ю. Балакина (2017, с. 146-160, 231-245). Особо следует выделить единственную монографическую работу, посвященную литературно-критическому творчеству Воейкова, – диссертацию М. Ф. Климентьевой (1993), в том числе и потому, что некоторые наблюдения, сделанные исследователем, будут нами уточнены и дополнены. В разделе «Модификации дескриптивного жанра в творчестве А. Ф. Воейкова» Климентьева объединила в цикл «путешествий» шесть его публикаций, появившихся в периодической печати в 1824-1826 гг. («Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды (из дорожных записок)», «Астрахань (из дорожных записок одного путешественника)», «Екатеринослав (из записок одного русского путешественника)», «Царицыно», «Воспоминания о селе Савинском и о добродетельном его хозяине», «Прогулку в селе Кускове»), связав их по общности замысла, идеи, образа автора-повествователя, времени написания и заглавий, «в которых

так или иначе присутствовали или подразумевались слово “путешествие”, “путешественник” или “прогулка”» (с. 163), но уточнив, что в содержательном отношении «путешествия» не были однородны и подразделялись на южные и подмосковные. Климентьева отметила также, что описательная проза Воейкова имела «смысл и форму единого текста и общие структурообразующие моменты – единство жанра, стиля, приемов поэтики в части описания и сюжетосложения» (с. 163-164). Кроме прочего, она выделила использованные Воейковым приемы арзамасской поэтики: введение чужого текста, явную и скрытую цитации.

Написанный Воейковым цикл «путешествий» 1820-х гг. Климентьева отнесла к переходному этапу в творчестве литератора – от описательно-дидактических поэм («Сады», «Искусства и науки») к пародийным «путешествиям» 1830-х гг.

В целом мы согласны с наблюдениями исследователя. Но в выводы, сделанные ею, следует внести уточнения. Во-первых, описания подмосковных усадеб можно назвать «путешествиями» с некоторой оговоркой. В них характерные для этого жанра формы повествования, образ автора, документальность, синтез жанров, введение стихотворных вставок собственного и цитатного происхождения выдержаны (Роболи, 1926; Шаčkова, 2008, с. 280-281), но дорога или маршрут не являются структурным стержнем текста.

Во-вторых, описательная проза Воейкова неоднородна не только в содержательном отношении, но и в жанровом. Описывая жанр путешествия, Роболи (1926, с. 44) противопоставляет литературному – этнографо-исторический или географический. В южных «путешествиях» превалирует историко-этнографический и географический материал, за исключением «Путешествия из Сарепты», в котором описание исторических событий, местности и собственно самого путешествия чередуется с лирическими отступлениями, цитированием произведений А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, русских песен. В «Екатеринославе», который написан в форме дневника и опубликован в трех журнальных номерах, есть много авторских примечаний к тексту и ссылок на исторические, географические и статистические труды («Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, «Древнюю российскую историю от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года» М. В. Ломоносова, «Историю Российскую от древнейших времен» М. М. Щербатова, «Землеописание Российской империи: для всех состояний» Е. Ф. Зябловского, «Историю Российского государства» И. М. Стриттера, «Исторические картины Азии» Ю. Клапрота и др.). Это было характерно для научных материалов, и последняя опубликованная часть «Екатеринослава» представляет собой именно такие ученые записки. Иными словами, описание юга России – это в большей мере этнографо-исторические «путешествия», тогда как все описания подмосковных усадеб – литературные. Потому мы считаем целесообразным сосредоточить внимание на подмосковных «путешествиях» как на целостном блоке произведений.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его наблюдения, результаты и выводы можно использовать при дальнейшем изучении творчества Воейкова и литературного процесса первой половины XIX века в целом.

Основная часть

По свидетельству Воейкова, с 1802 г. каждое лето он посвящал обозрению «какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля» (Воейков, 1824b, с. 2). По другому его свидетельству, он «обозрел и описал тридцать семь губерний» (РГИА, ф. 1285, оп. 3, д. 292, л. 5 об.). Подобных названных Воейковым описаний в его документах и публикациях нет. В 1813 г. литератор «должен был ехать на Кавказ» (Воейков, 1824b, с. 2). Подробный маршрут этой поездки нам не известен, однако по пометам в экземпляре французского издания «Садов» Делиля 1801 г., который принадлежал Воейкову и сейчас хранится в Научной библиотеке Томского госуниверситета, мы можем установить передвижение литератора по югу России: «1813 года июля 13 дня. Астрахань» и «1813 года августа 8-го. Кавказской губернии Шотландская колония Карав» (Реморова, 1985, с. 23). Вторая помета совпадает с месяцем, который указан в публикации 1822 г., посвященной описанию Кавказа: 30 августа 1813 г., – видимо, основной материал для этого описания был собран и записан сразу после посещения Кавказа. А перед Астраханью и Кавказом Воейков посетил Сарепту, что можно установить по его «Письму из Сарепты» (Воейков, 1813b), которое было опубликовано в 1813 г. в «Сыне Отечества» и датировано 6 марта 1813 г. («Описание Сарепты» (Воейков, 1822c), опубликованное в 1822 г., было датировано только годом – 1813 г.).

К слову, французское издание «Садов» Делиля, принадлежавшее Воейкову, попало в Томский госуниверситет в составе библиотеки Жуковского. Каким образом издание оказалось у Жуковского – после того, как Воейков закончил перевод «Садов», или же после смерти переводчика – неизвестно. Равный интерес для Жуковского могла представлять как методика работы Воейкова над переводом, так и оставленные им на полях книги дневниковые пометы (Жуковский, 2019, с. 595, 833; Реморова, 1985).

В 1816 г. Воейков предпринял еще одно путешествие – из Дерпта в Крым. В РГИА (ф. 1285, оп. 3, д. 292, л. 1) сохранились письма Воейкова Министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, из которых выясняется, что Воейков планировал посетить Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии. А. Ю. Балакин (2017) предположил, что маршрут, вероятно, проходил через «Псков, возможно Новгород, Киев, Екатеринослав, Одессу, Крым, возможно предгорья Кавказа» (с. 234). Из Киева Воейков отправил редактору «Вестника Европы» письмо (Воейков, 1816), датированное 20 июня 1816 г.

Во время этих двух южных путешествий, вероятно, литератор собрал материал, который в 1820-е гг. использовал в ряде публикаций-обозрений российских губерний.

Цикл, посвященный описанию подмосковных усадеб, в определенном смысле является продолжением переведенной Воейковым поэмы «Сады» Делиля. Н. Б. Реморова (1985) установила, что в переводе «Садов» «12 строк, отведенных Делилем для общих рассуждений о русских садах» (с. 31) Воейков заменил 72 строками описания русских садов, поместив их «значительно позднее (перед описанием садов английских) и опустив в переводе еще 6 строк собственно лирических излияний французского автора» (с. 31-32). Впервые Воейков (1813а) опубликовал эти 72 строки в «Вестнике Европы» под названием «Описание русских садов (Отрывок из поэмы Сады, или Искусство украшать сельские виды)», сопроводив стихи комментарием: «Делиль, не имея достаточных сведений о состоянии русских садов, несколькими красивыми стихами, совсем не принадлежащими к его предмету, отыгрывается и прикрывает свое незнание. <...> Переводчик Садов не захотел повторять сего описания, как весьма неудовлетворительного для русской публики. Он предлагает здесь отрывок о лучших русских садах, написанный им, как легко усмотреть могут читатели, от лица французского поэта» (с. 190-191). Затем Воейков включил эти стихи в отдельное издание своего перевода «Садов». В этих стихах Воейков описал Коломенское, Гатчино, Тавриду, Петергоф, Царское село, Архангельское, Кусково, Люблино, Нескучное, Савинское, вынеся в примечание к стихам пояснение: «Долженствуя соблюсти ту же краткость, с какою Делиль описывает славные дачи около Парижа, русский переводчик очень жалеет, что не может сказать особенного о Павловском, о Царицыно, о славной даче графа Л. К. Разумовского-Петровского, о даче графа П. А. Строганова и о многих других садах, которые Природою и искусственными украшениями не уступают ни Английским, ни Французским, ни Италиянским» (Делиль, 1816, с. 163).

Из содержания подмосковных «путешествий» известно, что Воейков посетил усадьбы в то время, когда еще жил в Москве. В 1814 г. литератор получил должность ординарного профессора в Дерптском университете и в феврале 1815 г. переехал в Дерпт (Кафедра русского языка..., 1900, с. 43), а в 1820 г. – после увольнения из университета – переехал жить и работать в Санкт-Петербург. Скорее всего, поездки по Подмосковию состоялись до 1815 г.

Первые впечатления Воейкова от путешествия по югу России нашли свое отражение в «своеобразных “письмах русского путешественника” в стихах» (Балакин, 2017, с. 148, 234-245): в «Послании друзьям и жене» (написано в 1816 г., в переработанном виде под названием «Послание к жене и друзьям» вышло в 1821 г. в «Сыне Отечества»), в «Послании к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству» (опубликовано в 1818 г. в «Вестнике Европы»). Первые обстоятельные обзоры южных губерний появились в 1822 г. Таким образом, прошло по меньшей мере пять лет между последним путешествием Воейкова по югу России и литературной обработкой собранного материала. Почему же Воейков обратился к старым записям?

Уточним, что под накопленным во время путешествий материалом мы имеем в виду заметки и путевые записки, аналогичные сохранившемуся путевому дневнику, который Воейков вел с 1 августа по 11 сентября 1812 г. (РО ИРЛИ РАН, ф. 31, оп. 1, д. 31). Приступая к работе над текстами «путешествий», Воейков не ограничивался впечатлениями и заметками, а собирал дополнительную информацию, делал выписки из книг и журналов (об этом – ниже).

С 1800 г., как отмечала Роболи (1926), шел «беспрерывный поток всевозможных “путешествий”» (с. 57). А события 1812 г. стимулировали «активное собирание, изучение и публикацию исторических источников» (Акимова, 2001, с. 99).

К тому времени как Воейков стал соредактором Н. И. Греча в «Сыне Отечества» (к середине 1820 г.), он уже был известным поэтом и сатириком, имеющим в своем арсенале из прозаических работ лишь несколько критических статей и речей. С одной стороны, приступив к редакторской деятельности, он начал практиковаться в критике, и с 1820 г. в «Сыне Отечества» последовательно вышли его «Разбор поэмы “Руслан и Людмила”, сочинение Александра Пушкина», «Об описательных и дидактических поэмах, и в особенности о Виргилиевых “Георгиях”», «Разбор поэмы “Освобожденная Москва”, сочинение Александра Волкова», «Историческое и критическое обозрение российских журналов». С другой стороны, он продолжил заниматься поэтическим творчеством – работал над поэмой «Искусства и науки» и переводил фрагменты из поэм Делиля «Жалость», «Воображение», «Сельский житель», «Три царства природы» (Балакин, 2017, с. 157-159).

В 1820 г. жанр «путешествий» уже интересовал Воейкова, возможно, в большей степени как редактора. Об этом мы можем судить из письма Вильгельма Карловича Тилло Воейкову от 28 ноября 1820 г. Это письмо – единственное сохранившееся из переписки Воейкова с Тилло, чьи переводы с немецкого и французского языков часто появлялись на страницах «Новостей литературы», «Славянина», «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», редактируемых Воейковым. В письме Тилло написал: «Что касается до моих путевых записок, то скоро Вам сообщу маленький образчик, но, к несчастью, самая большая и любопытнейшая часть оных затерялась при претерпленном кораблекрушении близ Казани» (РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, д. 45, л. 1 об.).

Вероятно, желание опробовать себя в качестве автора прозаических текстов побудило Воейкова обратиться к старым записям о путешествиях. Поэзия не обладала необходимым потенциалом, была достаточно ограничена в жанровом и функциональном отношении и не могла вместить в себя весь объем накопленного материала. В 1822 г. у литератора вышли первые пробы пера – три разные в жанровом отношении журнальные публикации. В «Северном архиве» появилось «Описание Сарепты» (Воейков, 1822с) – «близкое более к художественным, чем к научным» (Акимова, 2001, с. 102) текстам. Идиллическое описание уклада жизни сарептян Воейков предварил эпиграфом – стихотворением собственного сочинения. В текст введено несколько больших цитат из послания «К Воейкову» Жуковского. Жанр двух историко-этнографических очерков – «Взгляда на Кавказскую линию» («Северный архив») (Воейков, 1822а) и «Описаний калмыцкого народа» («Сын Отечества») (Воейков, 1822b) – был близок к ученым запискам.

Интересно, что с 1819 г. в «Соревнователе просвещения и благотворения», журнале Вольного общества любителей Российской словесности, в рубрике «Науки и искусства» печатались «описания земель и народов», «исторические отрывки и биографии знаменитых мужей» и «ученые путешествия» (Полякова, 2020, с. 17), призванные способствовать просвещению читателей. Воейков в 1820 г. был принят почетным членом Общества, в «Соревнователе» своих «путешествий» не печатал (хотя его переводы из Вергилия там появлялись), но, вероятно, сам ориентировался на «ученость». О пользе просвещения Воейков писал не раз. Свое письмо Ал. И. Тургеневу, написанное в 1816 г., он опубликовал в «Славянине» в 1829 г. А в письме к Л. В. Дубельту в 1837 г. писал: «Просвещение – вещь прекрасная! Просвещаться – значит улучшаться, возвышаться, совершенствоваться; то есть умножать сумму добродетелей и чистых наслаждений» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 5719, л. 2).

Уточним, что определить автора «Взгляда на Кавказскую линию» стало возможно благодаря документу «О сочинениях и переводах А. Ф. Воейкова, действительного члена Императорской Российской академии», датированному 23 июня 1824 г. и составленному самим автором (впервые о наличии этого списка сообщил В. Э. Вацуру (Вацуру, 1978, с. 254)). В нем Воейков перечислил свои работы, в том числе: «Путешествие по Отечеству; писано прозой и стихами: В Сыне Отечества: а. О калмыках; В Северном архиве: б. О Сарепте; в. Взгляд на Кавказскую линию; многие печатаются: В Северных цветах: г. Прогулка в селе Кускове; В Новостях литературы: д. О Шери-Сарае, столице Золотой Орды; е. Об Астрахани; ж. Взгляд на Уральскую степь» (РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 960, л. 1 об.). Отметим при этом, что сочинений, посвященных Уралу, в «Новостях литературы» нет.

Появление целого блока описательной прозы в 1824–1826 гг. было стимулировано, вероятно, двумя факторами: с одной стороны, нужно было наполнять издаваемые Воейковым журналы интересным материалом, с другой – им ощущалась нехватка в журнале прозы, о чем он сам писал 10 декабря 1824 г. Н. А. Маркевичу: «...пишете ли Вы прозою? У нас прозаиков еще меньше, нежели поэтов: первый – другой – обчёлся!» (РО ИРЛИ РАН, ф. 123, оп. 3, д. 28, л. 2).

Как отметила Климентьева, ссылаясь на Роболи, Воейков обратился к жанру путешествия в связи с утверждением в литературе его гибридного типа, «восходящего, с одной стороны, к традиции “Писем русского путешественника” Н. М. Карамзина и стерновскому “сентиментальному” путешествию, с другой – к путешествию в стиле Дюпати» (Климентьева, 1993, с. 165). Под гибридным типом Роболи (1926) имела в виду «путешествия», в которых «этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (с. 48). Жанр путешествий, судя по всему, показался Воейкову наиболее подходящим для решения редакторских и авторских задач, он практически не имел каких-либо содержательных и стилистических ограничений, статистическую информацию в нем можно было разбавлять живописными описаниями природы, архитектуры, внутреннего убранства усадеб, образовательный материал – развлекательным, прозу – поэзией.

Так, в печати в 1824–1826 гг. вышли шесть разножанровых воейковских «путешествий». В «Новостях литературы» «Путешествие из Сарепты» (Воейков, 1824b) появилось в июльской, «Астрахань» (Воейков, 1824a) – в августовской книжке в 1824 г.; «Царицыно» (Воейков, 1825d) – в январской, «Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине» (Воейков, 1825a) – в майской в 1825 г.; «Екатеринослав» (Воейков, 1825b) – в сентябрьской в 1825 г., в июньской и сдвоенной книжке на июль и август в 1826 г. «Прогулка в селе Кускове» была опубликована трижды: в альманахе «Северные цветы» на 1825 г. (Воейков, 1825c) (этой публикацией Воейков поддержал появление нового альманаха (Вацуру, 1978, с. 16)), в сдвоенной книжке на сентябрь–октябрь в «Новостях литературы» в 1826 г. (Воейков, 1826b) и в сборнике «Краткое описание села Спасского, Кусково тож, принадлежащего его сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву» в 1829 г. (Краткое описание села..., 1829).

«Астрахань» и «Екатеринослав» не были закончены, но обещанного продолжения не последовало. Параллельно с опубликованными материалами Воейков работал еще над несколькими. В РО ИРЛИ РАН (ф. 31, оп. 1, д. 32) сохранились материалы для описания Коломенского, Преображенского и Измайловского: две тетради (вторая датируется 2 января 1825 г.) с выписками Воейкова из журнала «Отечественные записки», ссылками на «Древнюю российскую вифлиотеку», сочинения М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина. Выписки снабжены немногочисленными пометами Воейкова на полях тетради, как то: «NB. Написать путешествие из Петербурга в Москву в дилижансе...». Подзаголовок тетради № 1 («Выписки образа жизни российский царей») и содержание ссылок говорят нам о том, что в задуманном тексте основная сюжетная линия была связана с правлением Алексея Михайловича. Сохранились в РО ИРЛИ РАН и черновики «Описания путешествия по Ливонии» (датировано 3 января 1826 г.), «Путешествия из Дерпта в Псково-Печерский монастырь (из записок одного русского путешественника)» (датировано 1831 г.) (ф. 265, оп. 2, д. 508) и «Псково-Печерского Монастыря (из дорожных записок одного русского путешественника)» (ф. 31, оп. 1, д. 18). Эти документы еще не были нами обследованы; и мы выскажем предварительное суждение о них: поскольку в изданиях Воейкова таких материалов не выявлено, можно предположить, что либо работа над ними не была завершена, либо подготовленные материалы не были пропущены цензурой. Посещение Псково-Печерского монастыря, вероятно, относится к 1816 г., то есть ко времени второго путешествия по югу России. Из письма Жуковского Ал. Тургеневу около 23–24 мая 1816 г. ясно, что Воейков должен был заехать в Псков по пути в Крым: «...напиши тотчас по получении письма моего и посылай прямо в Псков и Киев, ибо Воейков едет через четыре дня из Дерпта, и здесь твои письма его уже не застанут» (Жуковский, 2019, с. 483).

Гибридный тип «путешествий» позволял Воейкову не только чередовать «этнографический, исторический и географический материал <...> со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (Роболи, 1926, с. 48), но и синтезировать жанры, в зависимости от авторских задач. Так, воспоминания переносят стороннего читателя в прошлое, с которым у него нет никакой эмоциональной связи, но для определенных

читателей эти время и место будут иметь личное значение. Прогулка позволяет показать местность, увлекательно рассказать о ней, идиллические и элегические формы – передать определенное настроение. Описания Савинского, Кусково и Царицыно, предназначенные для широкого читателя с целью познакомить их с историей усадеб, их архитектурным комплексом, внутренним убранством, жизнью хозяев, чередовались с диалогом и посланиями, предназначенными для «своих».

Все три подмосковных описания представлены в форме прогулки. Автор ведет читателя по усадебной территории – по саду, мимо строений, останавливая его внимание на наиболее интересных и знаковых объектах. Смена «декораций» динамична как в кинематографе. Но перемещение из одного пункта в другой – это поверхностный уровень текста: «Мимоходом заглядывали в пустые летом оранжереи, в индейский пагод, в лабиринт, в поля Елисейские. В бельведере, имеющем вид башни, с верхней площадки которого видны все окрестности, любовались мы очаровательными видами вокруг Кускова. <...> ...вошли под дремлющие сени Английского сада, ступили на узорчатые ковры лужаек, увидели своенравную речку, текущую по своей прихоти между независимыми деревьями, бесечно разметавшими густые ветви свои» («Прогулка в селе Кускове» (Воейков, 1826b, с. 110-112)); «Долго бродил я по бесчисленным перепутанным тропинкам, заглядывал в беседки... <...> ...с приятностью прошел по огромным оранжереям, которые славятся крупными плодами, и спустился на берег верхнего пруда, сел в челнок и объехал его кругом» («Царицыно» (Воейков, 1825d, с. 9)); «На рыбацьем острове нашли мы несколько шалашей, берестю одетых – и в них сети и уды. Взошли на пригорок – и увидели реку, а за нею на горе чисто отстроенную деревню и суконную фабрику. Повернули вправо – и нам представился зеленый курган с четвероугольным мраморным камнем. <...> Отсюда неприметно вступили мы в березовую рощу... <...> Через подъемный мост, висящий на цепях, приблизились мы к развалившемуся Рыцарскому замку... <...> И вблизи оттуда ожидал нас плотик: мы переправились на Юнгов остров к памятнику Фенелона» («Воспоминание о селе Савинском» (Воейков, 1825a, с. 70-71)).

В тексте есть и более глубокий уровень значений. Например, в «Царицыно» – это диалог с Жуковским. Прогулка и эффект неожиданности в смене описываемых впечатлений у Воейкова переключаются со «Славянской» Жуковского. Ср. у Жуковского (2020): «То вдруг, сквозь чащу древ, мелькает предо мной, / Как в дыме, светлая долина; / То вдруг исчезло все... окрест ступился лес; / Все дико вокруг меня, и сумрак и молчанье... <...> / И вдруг пустынный храм в дичи передо мной» (с. 20-21); у Воейкова (1825d): «Вдруг на Востоке показалось черное пятно... <...> То блеск, то тьма; то гром, то тишина глубокая» (с. 10). Меланхоличность тоже наблюдается в обоих текстах. Ср. у Жуковского (2020): «Воспоминанье здесь унылое живет; / Здесь, к урне преклоняясь задумчивой главою, / Оно беседует о том, чего уж нет, / С неизменяющей Мечтою. / Все к размышленью здесь влечет невольно нас; / Все в душу томное уныние вселяет» (с. 21); у Воейкова (1825d): «Прислушивался ли я к кукованию кукушки? она как будто отсчитывала немногие часы, на белом свете прожить мне оставшиеся; к шуму вод? они говорили о скоротечности всего подлунного; к шепоту листьев? он наводил на меня еще большее уныние» (с. 9).

Ассоциативно связана со «Славянской» композиция описания природы Царицыно в лирической части «путешествия»: герой гуляет в одиночестве, рассматривает местность, размышляет о времени и жизни; прогулка нарушается резким наступлением вечера – герой наблюдает закат; наступает ночь, природа засыпает.

Жуковский написал стихотворение «Славянка» в 1815 г. под впечатлением от посещения Павловска. И Воейков выбрал для описания усадьбу и природу Царицыно недаром. Царицыно – неосуществленная резиденция Екатерины II – противопоставлено Павловску – летней резиденции Павла I, которую император подарил своей жене Марии Федоровне.

Элементы идиллии и элегии рождает у читателя определенное настроение – располагают к спокойствию, умиротворению, легкости: «Подмосковные села русских бояр живописны. Веселое Реутово, великолепное Архангельское, пиитическое Свиблово, действуют на мою душу как весна: дают какую-то легкость дыханию, располагают к веселости, разливают по жилам какой-то огонь жизни. Там люблю гулять с обществом друзей, передавать им свои приятные впечатления, указывать на хорошие виды, смотреть пляски поселянок, борьбу поселян, осушать кубки за здоровье красавиц» («Царицыно» (Воейков, 1825d, с. 3)); «Тихий, прохладный вечер заступал уже место жаркого дня; воды покрылись розовым сиянием заката. Лежа под развесистою березою на берегу реки, слышу в ближнем монастыре колокол, призывающий отшельников ко всеобщей. Редкий, грустный звон его мешается с плеском волн и деревенским гулом. Передо мною упал лист, сорванный ветром с родимой ветки» («Воспоминание о селе Савинском» (Воейков, 1825a, с. 74)); «Мы с товарищами погостили целую неделю в этой райской пустыне. Иногда ездили верхом по окрестностям, катались в лодке, слушали песни; смотрели, как поселянки играли в хороводы; пленялись изящною красотой садов» («Воспоминание о селе Савинском» (Воейков, 1825a, с. 75)).

«Царицыно» является наиболее насыщенным в жанровом отношении «путешествием». Внимательное прочтение текста и знание биографии Воейкова и его окружения позволяют не только увидеть в тексте несколько посланий, но и понять, кому они адресованы – членам Дружеского литературного общества (включая Жуковского) и отдельно Жуковскому.

В «Царицыно» автор отсылает нас к конкретным воспоминаниям и конкретному времени – к 1813 г.: «...летом, вскоре после нашествия Наполеона, когда, возвращаясь в древнюю русскую столицу, я нашел пепелище там, где стоял дом моих родителей» (Воейков, 1825d, с. 1). До женитьбы Воейкова на племяннице Жуковского – Александре Протасовой – поэтов связывала близкая дружба. Во время путешествия Воейкова по югу России в 1813 г. он и Жуковский обменивались письмами. В одном из этих писем Жуковский отправил Воейкову свое послание, адресованное Ал. И. Тургеневу на годовщину смерти его брата – Ан. И. Тургенева, умершего в 1803 г. Послание проникнуто «воспоминаниями об ушедшей молодости и Дружеском литературном обществе» (Жуковский, 2019, с. 731), куда входили Жуковский, братья Тургеневы и Воейков – «один из действующих лиц той прекрасной комедии, которую мы играли во время оно и которая называется счастье» (Жуковский, 2019, с. 183).

«Пепелище там, где стоял дом моих родителей» – это дом Воейкова на Девичьем поле, в котором часто собиралось Дружеское литературное общество, или «поддевическое» братство, как они себя называли. В 1801 г. Ан. Тургенев посвятил этому месту встреч стихотворение: «Сей ветхий дом, сей сад глухой – / Убежище друзей, соединенных Фебом, / Где в радости сердец клялись перед небом, / Клялись своей душой, / Запечатлев обет слезами, / Любить отечество и вечно быть друзьями» (Поэты 1790-1810-х годов, 1971, с. 238).

Отсылка в «Царицыно» к 1813 г. и к сгоревшему дому – это обращение к конкретным воспоминаниям, вызывающим у Воейкова грусть и ностальгию по безвозвратно ушедшему времени, молодости и надеждам.

Анализируя переписку Жуковского и Воейкова в 1814 г., Р. В. Иезуитова (1984) заметила, что эти письма проникнуты «культом дружбы в том ее понимании, которое было в особенности свойственно “поддевическому” братству» (с. 81). Воейков, несмотря на ироничное отношение к увлечению Жуковского романтизмом и сложные отношения между поэтами после 1815 г. (их отношения стали портиться после свадьбы Воейкова (Жуковский, 1999, с. 655; Переписка..., 2020, с. 4-9)), на протяжении всей жизни восторгался Жуковским, «которого стихи сладки как музыка и исполнены чувств небесных. Он как будто бы подслушал ангелов, говорящих о земле и горюющих о несчастьях бедного рода человеческого» (Письма В. А. Жуковского..., 1853, с. 13). На это отношение Воейкова к Жуковскому во многом повлияло общее прошлое и бывшее братство, сначала «поддевическое», затем – арзамасское.

В «Царицыно» есть аллюзия к «доброте», которая занимает «одно из высших мест в шкале моральных ценностей, принятой в Дружеском литературном обществе» (Вацура, 2002, с. 21): «Одни злые люди удаляются от природы; их черствое сердце неспособно чувствовать красот ее. Добрые любят нивы, сады и луга» (Воейков, 1825d, с. 2). В. М. Истрин писал, что в бумагах Тургеневых сохранился документ, в котором дана шкала доброты членов Дружеского литературного общества: «Мерзляков – философ умом и сердцем. Александр Тургенев имеет в себе нечто Говардское. Жуковский гораздо добрее, нежели сколько выражаем слово добрый. Андрей Тургенев почти то же, что Жуковский. Петр Кайсаров отменно чувствителен. Мих(аил) Кайсаров имеет холодно-доброе сердце. Андрей Кайсаров добр, но в некоторых обстоятельствах характер его se dement (безумен. – прим. Н. Д.). Воейков добр <1 нрзб>, дух его много к этому способствует» (Архив братьев Тургеневых, 1911, с. 35).

Робели (1926) отметила цитатность и введение стихов в качестве «характерной черты “путешествий”» (с. 59). Воейков цитирует в описаниях усадеб «К Воейкову», «Сельское кладбище», «Славянку» Жуковского, отрывок из его перевода Ф. С. Лагарпа «Фенелон, воспитатель Герцога Бургонского»; «Развалины», «На панихиду Людовика XVI», «Вельможу», «Моего истукана» Г. Р. Державина; «Мою Родину» Н. М. Языкова; «К Дашкову», «Моего гения» К. Н. Батюшкова; собственные перевод «Садов» Делиля, вторую редакцию послания И. В. Лопухину и др. При этом Воейков не всегда указывал автора цитируемого текста. Разнообразная цитация была для него своеобразной интеллектуальной игрой с читателем, который должен был не только узнать настоящего автора цитируемого произведения, но и понять, почему эта цитата появилась в тексте.

Например, в «путешествиях» Воейков часто цитировал свой перевод делилевских «Садов», но в «Воспоминании о селе Савинском» он привел отрывок из Делиля на языке оригинала. Этот отрывок – те самые 12 строк, посвященные описанию русских садов, которые Воейков заменил на 72 строки собственного сочинения (см. об этом выше). Воейков не перевел эти 12 строк, когда впервые опубликовал «Сады» в журналах и отдельным изданием, не стал переводить их и специально для «Воспоминаний о селе Савинском», считая их «недостойными» для перевода описания русской природы.

В Царицыно обращает на себя внимание следующая цитата из послания «К Воейкову» Жуковского: «Призраки златые / Невозвратимых тех времен, / Когда мы – гости молодые – У милой жизни на пиру / Из полной чаши радость пили, / И, счастье наше! говорили / В своем пророческом жару» (Воейков, 1825d, с. 9).

За этой цитатой стоят весьма интересные подробности. В начале 1813 г. Воейков адресовал поэту послание, в котором призывал его, легко пишущего «сказочки, оды, песни и элегии» (Поэты 1790-1810-х годов, 1971, с. 276), написать русскую национальную поэму (Лотман, 1996, с. 468-469). После успеха «Певца во стане русских воинов» Воейков считал, что лишь Жуковскому под силу стать «Виландом, Ариостом, Баяном» (Поэты 1790-1810-х годов, 1971, с. 278). По словам Вётшевой (2006), Воейков «едва ли не активнее всех “требует” от Жуковского заполнения символической “белой книги” текстом “Владимира”» (с. 31). Жуковский работал над волшебной-исторической поэмой «Владимир», но так и не написал ее (Вётшева, 2006, с. 25-31). В «Царицыно» Воейков процитировал не свое послание к поэту, он привел цитату из ответа Жуковского на его послание. И сама цитата, и размышления Воейкова о невозвратности времени – это упрек Жуковскому за оставленный без продолжения замысел поэмы, сожаление об упущенном времени: «...будущее никогда не приходит ни таким, каким увидеть его желаем, ни таким, каким боимся; напрасны все наши гадания! <...> ...чем далее мы подвигаемся по пути жизни, тем более покидаем за собою самого драгоценного... <...> Между тем, как я предавался мечтательности, солнце закатывалось за лес и рубиновым шаром мелькало сквозь сеть перепутанных ветвей» (Воейков, 1825d, с. 9-10). Фактически цитата – это еще одно обращение Воейкова к Жуковскому в их литературном диалоге.

Усадьба Савинское тоже неслучайно стала предметом описания в одном из «путешествий» Воейкова. Хозяин усадьбы – Иван Владимирович Лопухин – был известным масоном, приятелем И. П. Тургенева, отца участников Дружеского литературного общества и «Арзамаса» (Андрей входил в «поддевическое» братство; Николай – в арзамасское; Александр – в оба общества). Лопухин пользовался большим уважением у братьев Тургеневых, Жуковского, Воейкова. В своем дневнике Ан. Тургенев оставил следующую запись о Лопухине: «Но кто так, как он, производит во мне соревнование к добру и укрепляет меня в добром? Отобедавши у него, в кругу его приятелей, пропустив и проговорив с приятностью все время, я возвращаюсь домой веселее, спокойнее, добрее и расположеннее к добру» (Архив братьев Тургеневых, 1911, с. 31).

Кроме того, в 1814 г. Жуковский и Воейков вместе приехали в Савинское, чтобы заручиться поддержкой Лопухина в деле о сватовстве Жуковского к Марии Протасовой (Жуковский, 2019, с. 745). В «путешествии» Воейков сообщил, что в последний раз он виделся с Лопухиным летом 1814 г., то есть именно во время своего приезда с Жуковским в имение.

Интересно, что после выхода номера «Новостей литературы» с «Воспоминанием о селе Савинском» Серафим, Митрополит Новгородский и Петербургский, написал письмо Министру народного просвещения А. С. Шишкову, в котором выразил мнение о том, что статью Воейкова необходимо запретить, поскольку она содержит неумеренную похвалу «покойному И. В. Лопухину, весьма много содействовавшему в распространении книг духовно-нравственного содержания, написанных в духе противном учению нашей Церкви», и «подает ложное понятие о терпимости... Правительства относительно к раскольнической Секте Духоборцев» (РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 26, л. 1 об.-2). В результате обмена письмами между Министерством народного просвещения и Министерством внутренних дел чиновники пришли к выводу, что запрещение статьи только привлечет к ней внимание, и это принесет еще больше вреда.

Еще одно «послание», уже арзамасскому братству, мы обнаруживаем в «Воспоминании о селе Савинском» – аллюзию к спору шишковистов и карамзинистов: Воейков вместо слова фонтаны использует слово водомет, вместо водопада – водоскаты. Предыстория этого «послания» такова.

В 1820 г. в «Сыне Отечества» вышел воейковский «Разбор поэмы “Руслан и Людмила”, сочинение Александра Пушкина» с разбором пушкинского слога. Воейков среди прочих сделал следующее замечание автору поэмы: «Не грешно ли употреблять в поэзии слово фонтан (здесь и далее подчеркнуто нами. – Н. Д.), когда у нас есть прекрасное, выразительное водомет?» (Воейков, 1820, с. 151). Климентьева (1993, с. 48-62) наглядно показала, что разбор «Руслана и Людмилы» был сделан в духе арзамасской критики и слово «разбор» вместо критики для заглавия статьи Воейков выбрал не случайно. В то же время она посчитала, что замечание Воейкова о водомете было сделано с позиции архаиста, хотя в контексте арзамасской критики это замечание звучит иронично, и подчеркивают эту иронию процитированные Воейковым строчки из И. И. Дмитриева: «Взыграл и солнца луч, и голос соловья, / Слиянный с сладостным журчаньем ручья / И с шумом резвого фонтана, / Воспел: “проснись, проснись, счастливая Ветрана!”» (Воейков, 1820, с. 20).

В 1824 г. Воейков написал рецензию на «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, где не прозвучало ни одного упрека к слогу молодого поэта. В том же году 13 июня после выхода поэмы сам Пушкин в письме к брату Льву по поводу «водомета» писал: «На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он “Бахчисарайский фонтан” из уважения к святыне академического словаря и неблажно составленному слову водомет?» (Пушкин, 1937, с. 98).

При этом слово фонтан Воейков использовал в «Прогулке в селе Кускове», которая, впрочем, была опубликована в «Северных цветах», а не в его журнале. Поэтому можно предположить, что в авторском тексте стояло слово водомет, а А. А. Дельвиг, редактируя альманах, с пушкинскими в том числе произведениями, переправил архаизм на более звучное слово. Но вместе с тем Воейков, перепечатавая «Прогулку» в «Новостях литературы» в 1826 г. и в сборнике «Краткое описание села Спасского» в 1829 г., оставил в тексте слово фонтан.

Интересно в этой связи, что в письме к Ф. Н. Глинке от 4 июля 1824 г. Воейков использовал слова водомет и водоскат рядом как устойчивое выражение, и в письме это также прозвучало иронично: «Неужели вы, добрый Федор Николаевич, решились не заглядывать в очаровательные Царскосельские сады, где / прохлада и нега / и ропот у берега / водометов, водоскатов, речек и ручейков ждет вас?» (Материалы для биографии..., 1908, с. 233). («Прохлада и нега / и ропот у берега» – это отсылка к «Золовой арфе» Жуковского.)

Обращает на себя внимание то, что литературные «путешествия» Воейкова пестрят разнообразными именами (поэтов, писателей, художников, философов), наименованиями сел, городов, нагружены цитатами, а частое чередование прозаического и поэтического текстов, быстрый переход от историй усадеб к описанию природы и лирическим размышлениям автора создают впечатление калейдоскопичности или эклектичности текстов. Но подобное стилизованное решение неслучайно – оно позволило наполнить тексты дополнительными смыслами. Воейков обыгрывал романтические штампы: одиночество, противопоставление себя обществу, уединение с природой и т.д. С помощью романтических образов он стилизовал литературные тексты (рыцарские замки, замок госпожи Радклиф, «длинные темные переходы, и подземелья, и потайные лестницы, и башни, и выбитые окна, и обрушенные мосты, и мшистые своды», «черные башни дворца» и др.). Но стилизация, доведенная до гротеска, придавала путешествиям пародийное значение.

Так, в «Царицыно» романтические образы сначала встречаются редко: «безмолвие пустынных садов», «в многолюдной пустыне столицы, кипевшей народом, я не находил ни одной родной души» (Воейков, 1825d, с. 1), «люди чуждаются печальных, боясь, что эта болезнь заразительна. Природа всегда готова разделять с нами горечь нашу» (Воейков, 1825d, с. 2), «Царицыно, как и осень, производит во мне задумчивость; грусть невольная овладевает душою; я ищу быть один, укрыться в чащу леса» (Воейков, 1825d, с. 3). Но ближе к окончанию путешествия романтические образы нагромождены друг на друга, их концентрация сознательно доведена до абсурда: «Настала ночь: яркие звезды загорелись на темно-голубом небе. Вдруг на Востоке показалось черное пятно и разлилось по небу, как круг воды, от брошенного в нее камня. Звезды потухли. Молния засверкала – и вода прудов поминутно воспламенялась. Гром гремел непрерывно – и эхо перекапывалось из долины в долину. Крупный дождь шумел в листьях. То блеск, то тьма; то гром, то тишина глубокая. Ночь торжественная, как ты прелестна! Буря, как красноречив, как понятен твой голос скорбящему сердцу: это небесная музыка, духовное сладострастие! Буря умолкла. Молния блистала еще изредка в седой дали. Небо начало, разоблачаться. Взошла

заря и окропила луга росой; ее дыхание благовонно; розы пылали на щеках ее от улыбки убежали тучи; она разлила свет и жизнь. Солнце застало меня в садах твоих, о! Царицыно!» (Воейков, 1825d, с. 10).

Подобное наложение романтической стилистики мы видим в «Воспоминании о селе Савинском»: «Колокол замолчал; но звонкий соловей засвистал в сумраке, иволга застонала; рожок за рекою заунывно наигрывал сельские песни; заря потухла, разлился сумрак; чашечки цветов раскрылись; благовонные пары поднялись от земли, перелетный ветерок разнес их по водам» (Воейков, 1825a, с. 74).

Сначала постепенная, а затем быстрая смена романтических образов есть и в «Прогулке в селе Кускове»: в зверинце «все дико, мрачно и сурово. Это дебрь непроходимая: кажется, будто человеческая нога никогда не топтала здешней травы – так высока она; будто никогда топор не звучал в сих лесах, старых, как мир, и темных, как ночь. Листья шуршат под ногами; древа скрипят, гнутся, трещат и падают. В сладкой задумчивости я далеко отстал от своих товарищей; не слышно стало шороху шагов их; я был один в непроходимой чаще леса; тени становились чернее и чернее; что-то вздыхало и шептало вокруг меня; темная речка извивалась передо мною. Сердца мое крепко билось, кровь волновалась, я чувствовал какое-то приятное беспокойство, какой-то сладостный трепет; душа моя расширялась. Я сел на пенек бурию сломленного дерева, которого полуистлевший труп занимал большое, пространство с своею прежде столь величавою вершиною, с своими раскинутыми сучьями: и ждал чего-то безвестного, необыкновенного, таинственного. Я был один; но дикий лес не был для меня пустынею: Господь Бог населял его бесконечность» (Воейков, 1826b, с. 112-113).

В целом, на наш взгляд, литературные «путешествия» Воейкова в его творческой биографии в большей степени знаменуют переход от поэтической практики к прозаической, нежели от описательно-дидактических поэм к пародийным «путешествиям», как считает Климентьева. В дальнейшем опыт работы над литературными «путешествиями» был использован Воейковым в стилизациях, пародиях, полемических выступлениях 1830-х гг.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Описательная проза Воейкова появилась в результате путешествий литератора по югу России в 1813 и 1816 гг. и на основе впечатлений от посещения подмосковных усадеб. «Путешествия» Воейкова не однородны ни по содержанию, ни в жанровом отношении и распадаются на два цикла: этнографо-исторические и литературные. Наиболее известными являются «путешествия», появившиеся в печати в 1824-1826 гг., но в этот блок необходимо включить более ранние публикации автора – 1822 г.

Обращение к жанру путешествий в 1824-1826 гг., вероятно, было стимулировано необходимостью наполнить страницы издаваемых Воейковым «Новостей литературы». Относящиеся к этому времени описания подмосковных усадеб представляют собой однородный блок литературных «путешествий». Избранный жанр позволил литератору не только описать усадьбы, их историю, местность, внутреннее устройство, но и зашифровать в них литературные послания для «поддевического» братства.

Описания подмосковных усадеб представлены синтезом разных жанровых компонентов: воспоминаний, идиллий, элегий, прогулок, посланий. И эти жанровые вкрапления выполняли важную функцию, отсылая к конкретному месту и времени, погружая в определенное настроение, передавая послание избранному кругу людей.

«Путешествия» Воейкова, производящие впечатление очерков, при детальном рассмотрении оказались многоплановыми произведениями, ориентированными как на стороннего читателя, так и на осведомленного. И художественную целостность жанровому синтезу придает уровень обращения к ближнему кругу читателей, в частности к Жуковскому.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении не только литературных, но и этнографо-исторических «путешествий» Воейкова, в работе с архивными источниками – сохранившимися рукописями «путешествий». Проблема жанрового своеобразия прозы Воейкова не исчерпана настоящей статьей.

Многие поэтические цитаты из воейковских «путешествий» остаются пока неатрибутированными. Не исключено, что некоторые из них принадлежат самому Воейкову, но никогда не были опубликованы. Новые архивные разыскания расширят будущие возможности. Так, вторая редакция «Послания к И. В. Лопухину» распознана благодаря опубликованной в Интернете расшифровке Балакиным текста стихотворения (<https://nexo.livejournal.com/502454.html>), а само послание никогда не было опубликовано, его рукопись хранится в РО ИРЛИ РАН (ф. 31, оп. 1, д. 4).

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90045.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-312-90045.

Источники | References

1. Акимова Н. Н. «Северный архив» и его издатель // Русская литература. 2001. № 3.
2. Акутин Ю. Александр Вельтман и его роман «Странник» // Вельтман А. Ф. Странник. М.: Наука, 1978.

3. Архив братьев Тургеневых. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1911. Вып. 2.
4. Балакин А. Ю. Близко к тексту: разыскания и предположения: статьи 1997-2017 годов. СПб. - М.: Пальмира; Книга по требованию, 2017.
5. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 2002.
6. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига - Пушкина. М.: Книга, 1978.
7. Вётшева Н. Ж. Планы и конспекты волшебного-исторической поэмы В. А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291.
8. В(оейков А.). Астрахань (из дорожных записок одного путешественника) // Новости литературы. 1824а. Август.
9. (Воейков А.). Взгляд на Кавказскую линию (писано в 1813 году) // Северный архив. 1822а. № 2.
10. Воейков (А.). Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825а. Май.
11. Воейков (А.). Екатеринослав (из записок одного русского путешественника) // Новости литературы. 1825б. Сентябрь; 1826а. Июнь; Июль и август.
12. Воейков А. О найденных древних Русских монетах // Вестник Европы. 1816. Т. 87. № 12.
13. Воейков (А.). Описание калмыцкого народа // Сын Отечества. 1822б. № 5; № 6; № 7.
14. Воейков (А.). Описание русских садов (отрывок из поэмы Сады, или Искусство украшать сельские виды) // Вестник Европы. 1813а. Т. 68. № 7-8.
15. Воейков А. Описание Сарепты // Северный архив. 1822с. № 1.
16. Воейков (А.). Письмо из Сарепты // Сын Отечества. 1813б. № 18.
17. Воейков (А.). Прогулка в селе Кускове // Новости литературы. 1826б. Сентябрь и октябрь.
18. Воейков (А.). Прогулка в селе Кускове // Северные цветы на 1825 год. СПб.: В тип. Департамента народного просвещения, 1825с.
19. Воейков (А.). Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Ханов Золотой Орды (из дорожных записок) // Новости литературы. 1824в. Июль.
20. В(оейков А.). Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочинение Александра Пушкина // Сын Отечества. 1820. № 34; № 35; № 36; № 37.
21. Воейков (А.). Царицыно // Новости литературы. 1825д. Январь.
22. Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сельские виды / пер. А. Воейкова. СПб.: В Медицинской типографии, 1816.
23. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. Т. 15.
24. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1.
25. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 2020. Т. 2.
26. Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810-1820-х годов // Ежегодник Рукописного отдела на 1980 год / отв. ред. К. Н. Григорьян. Л.: Наука, 1984.
27. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете / сост. Е. В. Петухов. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900.
28. Климентьева М. Ф. Литературно-критическая деятельность А. Ф. Воейкова: дисс. ... к. филол. н. Томск, 1993.
29. Краткое описание села Спаского, Кусково тож, принадлежащего его сиятельству графу Петру Борисовичу Шереметеву: напеч. в 1787 г. Соч. неизвестного. И Прогулка в селе Кускове. Соч. А. Воейкова. СПб.: Тип. Штаба Отдельн. корпуса внутр. стражи, 1829.
30. Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996.
31. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.
32. Материалы для биографии А. Ф. Воейкова. Письма к Ф. Н. Глинке // Русская старина. 1908. № 1.
33. Охременко А. А. «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола: абстрактный и конкретный читатель в авторских обращениях // Научный диалог. 2017. № 2.
34. Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой: 1811-1829 / отв. ред. О. Б. Лебедева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020.
35. Письма В. А. Жуковского, А. Ф. Воейкова и И. И. Дмитриева к Н. А. Маркевичу // Москвитянин. 1853. № 12. Отд. IV.
36. Полякова А. А. Опыты реконструкции творческих замыслов А. А. Бестужева-Марлинского 1820-1830-х гг.: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2020.
37. Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971.
38. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13.
39. Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры // Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник (1985). Л.: Наука, 1985.
40. Роботи Т. Литература «путешествий» // Русская проза: сборник статей / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926.
41. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
42. Российский государственный исторический архив (РГИА).
43. Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН).
44. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3.

Информация об авторах | Author information

Никитина Динара Маратовна¹

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Nikitina Dinara Maratovna¹

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ acizmexx@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.08.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): А. Ф. Воейков; В. А. Жуковский; Дружеское литературное общество; литературное общество «Арзамас»; литературные «путешествия»; A. F. Voeikov; V. A. Zhukovsky; Friendly Literary Society; literary society “Arzamas”; literary “travels”.